

Василий Витальевич ЛЕБИН,
адвокат Московской коллегии адвокатов
«Адвопро»,
аспирант Московского государственного
юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
qwerty5l@mail.ru

СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ В ПОРЯДКЕ СТАТЬИ 125 УПК РФ КАК ГАРАНТИЯ ПРАВ ЛИЦ С НЕОПРЕДЕЛЕННЫМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ СТАТУСОМ: ПРОБЛЕМЫ ДОСТУПНОСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ

JUDICIAL REVIEW UNDER ARTICLE 125 OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A GUARANTEE OF THE RIGHTS OF PERSONS WITH AN UNDEFINED PROCEDURAL STATUS: PROBLEMS OF ACCESSIBILITY AND EFFECTIVENESS

Статья посвящена анализу проблем реализации права на судебный контроль в порядке статьи 125 УПК РФ лицами с неопределенным процессуальным статусом. На основе изучения правовых позиций Конституционного Суда РФ, Пленума Верховного Суда РФ и кассационной практики 2020-2024 годов выявлено системное несоответствие между нормативным признанием права на обжалование и ограничительной практикой нижестоящих судов. Определены пять барьеров доступности и сформулированы предложения *de lege ferenda* по их преодолению.

The article is devoted to the analysis of the problems of exercising the right to judicial review under Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation by persons with an undefined procedural status. Based on the study of ratio decidendi of the Constitutional Court, the Plenum of the Supreme Court, and cassation practice of 2020–2024, a systemic discrepancy between the normative recognition of the right to appeal and the restrictive practice of lower courts is identified. Five barriers to accessibility are determined and proposals de lege ferenda for their elimination are formulated.

Ключевые слова: судебный контроль, статья 125 УПК РФ, иные лица, процессуальный статус, обжалование, досудебное производство, процессуальные гарантии.

Keywords: judicial review, Article 125 of the Criminal Procedure Code, other persons, procedural status, appeal, pre-trial proceedings, procedural guarantees.

Право на обжалование в порядке ст. 125 УПК РФ формально открыто не только для участников уголовного судопроизводства, но и для иных лиц, чьи интересы затрагиваются процессуальными действиями и решениями органов предварительного расследования. Вместе с тем на практике механизм реализации данного права оста-

ется недостаточно эффективным. Лица с неопределенным процессуальным статусом – заявители о преступлении, очевидцы, проверяемые в ходе доследственной проверки, собственники арестованного имущества – систематически сталкиваются с отказами нижестоящих судов, информационным дефицитом и процессуальной неопределенностью.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2024 г. по ст. 125 УПК РФ поступили около 135 500 жалоб, при этом доля удовлетворенных составила около 5%¹. Значительная часть жалоб – от 70% до 77% – прекращаются производством или возвращаются без рассмотрения по существу [1, с. 14-15]. Следует отметить, что количество обращений значительно возросло в 2024 г. (на 33,9% по сравнению с 2023 г.), что может свидетельствовать о повышении правовой активности граждан после расширения толкования ст. 125 УПК РФ Пленумом Верховного Суда РФ. Вместе с тем низкая результативность рассмотрения указывает на сохранение системных барьеров.

Имеется системное несоответствие между нормативным признанием права участников с неопределенным процессуальным статусом на обжалование, закрепленным в правовых позициях Конституционного Суда РФ и Пленума Верховного Суда РФ, и правоприменительной практикой. Как справедливо отмечают В.Н. Григорьев, О.А. Зайцев и О.А. Максимов, ходатайствам и жалобам отводится место «градообразующего» элемента, определяющего сущность уголовного процесса, а неоптимальное построение института допускает возможность его игнорирования [1, с. 10, 15]. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что проблема доступности судебного контроля для лиц с неопределенным статусом выходит за пределы частного правоприменительного вопроса и приобретает системный характер.

Статья 123 УПК РФ устанавливает право обжалования для участников уголовного судопроизводства, а также иных лиц в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы. Статья 125 УПК РФ развивает указанный механизм, предусматривая судебный порядок обжалования решений, действий и бездействия дозна-

вателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора. Пленум Верховного Суда РФ подтвердил недопустимость ограничения права на судебное обжалование решений и действий (бездействия), затрагивающих права и законные интересы граждан, лишь на том основании, что они не были признаны в установленном законом порядке участниками уголовного судопроизводства, поскольку обеспечение гарантируемых Конституцией РФ прав и свобод человека и гражданина должно вытекать из фактического положения этого лица, как нуждающегося в обеспечении соответствующего права².

Перечень участников согласно п. 5 указанного постановления Пленума Верховного Суда РФ является открытым: поручитель (ст. 103 УПК РФ), лицо, которому несовершеннолетний отдан под присмотр (ст. 105 УПК РФ), залогодатель (ст. 106 УПК РФ), заявитель, которому отказано в возбуждении уголовного дела (ч. 5 ст. 148 УПК РФ), лицо, чье имущество изъято в ходе обыска или выемки. Однако критерий допуска затрагивания интересов является оценочным, что порождает главную практическую проблему; так суды первой и апелляционной инстанций нередко отказывают лицам без процессуального статуса в принятии жалоб, самостоятельно и ограничительно толкуя данное понятие [4, с. 196].

Согласно позиции О.А. Максимова, сведение субъектного состава права на обжалование исключительно к лицам, наделенным процессуальным статусом, неприемлемо [8, с. 124]. Право на жалобу, по его утверждению, выводится не только из формального статуса, но и из положения лица в уголовном процессе [8, с. 450]. Определяя жалобу как обращение частных лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, предъявляющее требование об устранении нарушений прав и законных интересов [8, с. 21], О.А. Максимов акцентирует внимание на том, что рассмотрение жалобы означает реализа-

1 Снизилось общее число уголовных дел, поступающих в суды различных инстанций // Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/snizilos-obshchee-chislo-ugolovnykh-del-postupayushchikh-v-sudy-razlichnykh-instantsiy/> (дата обращения: 02.04.2026).

2 О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 N 1 (ред. от 09.12.2025). Здесь и далее материалы судебной практики: СПС «КонсультантПлюс».

цию публичных полномочий государства по защите нарушенных прав [8, с. 374]. Тем самым институт жалобы приобретает значение не периферийного, а системообразующего элемента уголовного судопроизводства [1, с. 10], поскольку ходатайства и жалобы определяют форму процесса и являются ключевыми в построении уголовно-процессуальных отношений [8, с. 60, 167].

Важным является также анализ процессуального положения лица, в отношении которого проводится доследственная проверка. Введенная Федеральным законом от 4 марта 2013 г. N 23-ФЗ ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ закрепила минимальный набор прав для лиц, участвующих в процессуальных действиях при проверке сообщения о преступлении, к таким относятся право не свидетельствовать против себя, право пользоваться услугами адвоката, право приносить жалобы в порядке главы 16 УПК РФ. Вместе с тем, как обоснованно констатируют Ю.В. Деришев и Е.И. Земляничин, процессуальное положение данного лица остается нормативно недетализированным – в УПК РФ отсутствует норма, которая позволила бы с точностью определить перечень процессуальных возможностей данного лица, а права и обязанности фактически не предусмотрены в объеме, позволяющем обеспечить реализацию права на защиту [2, с. 97, 99]. В указанной норме отсутствуют право на уведомление о принятых процессуальных решениях и право на ознакомление с материалами проверки, без которых право на обжалование становится декларативным.

Особую категорию лиц с неопределенным процессуальным статусом выделяет В.С. Латыпов, относя к ним лиц, чей процессуальный статус не регламентирован действующим законодательством [6, с. 15, 18]. Данная категория раскрывается через описательные критерии: статус не регламентирован, лица не предусмотрены главой 8 УПК РФ [6, с. 88]. Указанная терминология может

быть распространена и на лиц, фактически вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства на досудебных стадиях, но лишенных процессуального статуса и связанных с ним гарантий.

Анализ решений кассационных судов общей юрисдикции за 2020-2024 гг. выявляет устойчивую тенденцию: кассационная инстанция систематически отменяет отказы нижестоящих судов в принятии жалоб от лиц с неопределенным процессуальным статусом, признавая такие отказы не основанными на законе. Рассмотрим характерные категории дел.

Первый кассационный суд общей юрисдикции в постановлении от 20 ноября 2024 г. N 77-4107/2024 отменил решение нижестоящего суда, не учитывавшего право заявителя на обжалование постановления об отказе в возбуждении уголовного дела; в постановлении от 21 августа 2024 г. N 77-3086/2024 тот же суд признал, что бездействие следователя, не предоставившего заявителю материалы проверки по ст. 144-145 УПК РФ, является предметом судебного контроля. В определении от 29 сентября 2020 г. N 77-1744/2020 кассация отменила решение нижестоящего суда, указав на право заявителя быть уведомленным о результатах проверки, на получение копии решения и обжалование¹.

Четвертый кассационный суд признал необоснованным отказ нижестоящих судов в принятии жалобы лица, не являвшегося участником уголовного дела, чьи личные вещи были изъяты при осмотре места происшествия и не возвращены². Шестой кассационный суд прямо указал: выводы нижестоящих судов о том, что собственник ружья, признанного вещественным доказательством, не является лицом, имеющим право обратиться с жалобой в порядке статьи 125 УПК РФ, ошибочны и ограничивают право на участие в досудебном производстве и доступ к правосудию³.

Пятый кассационный суд в постановлении от 16 июля 2024 г. N 77-878/2024 подтвердил право лица, в отношении которого выне-

1 О применении судами норм главы 16 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих обжалование : обзоры кассационной практики Федеральной палаты адвокатов (2022, 2024) // СПС «КонсультантПлюс».

2 Постановление Четвертый кассационный суд в от 04.06.2024 N 77-1433/2024.

3 Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 18.03.2021 N 77-1007/2021.

сено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, на обжалование данного решения. Данная позиция имеет принципиальное значение, поскольку отказ в возбуждении дела по нереабилитирующим основаниям затрагивает конституционные права лица не менее существенно, чем возбуждение уголовного преследования¹.

Основания отказов нижестоящих судов, которые последовательно отвергаются кассацией: «заявитель не является лицом, чьи права и законные интересы затронуты»; «заявитель ни подозреваемым, ни обвиняемым не являлся»; «заявителем обжалуется ход расследования, который определяется следователем». Мониторинг практики судов Нижегородской области, проведенный Р.В. Ярцевым и О.А. Безруковым, подтверждает системность подобных дефектов: из 2117 судебно-контрольных материалов, рассмотренных апелляцией за период с января по сентябрь 2016 г., 36,9% составляли материалы по ст. 125 УПК РФ, при этом 31,2% решений были отменены, изменены или прекращены. В 21,3% случаев процессуальный статус заявителя не определялся судом первой инстанции [11, с. 66, 70]. Авторы прямо указали на недопустимость ограничения права на судебное обжалование лишь на том основании, что заявители не были признаны участниками уголовного судопроизводства [11, с. 70].

В качестве иллюстрации можно привести дело, рассмотренное президиумом Нижегородского областного суда 14 сентября 2016 г. (N 44У-108/2016): нижестоящие суды отказали адвокату в принятии жалобы на постановление о его замене, полагая, что данное решение не нарушает его прав; президиум указал, что решение затрагивает законные права и интересы адвоката и отказ в принятии жалобы нарушил право защитника

на доступ к правосудию [11, с. 69]. Данный пример подтверждает ограничительный подход к определению субъекта обжалования, характерный для судов первой инстанции.

Устойчивость кассационного исправления решений свидетельствует о наличии системной проблемы на уровне первой и апелляционной инстанций. Федеральная палата адвокатов опубликовала два обзора кассационной практики по ст. 125 УПК РФ за 2022 г. и 2024 г., систематизировавших указанные тенденции. Данное обстоятельство указывает на необходимость законодательного закрепления критериев допуска к обжалованию, которое позволило бы устранить различия в правоприменительной практике.

Конституционный Суд РФ сформировал последовательную и однозначную правовую позицию. Так, критерием допустимости обжалования является не процессуальный статус лица, а факт затрагивания его конституционных прав.

Фундаментальное значение имеет постановление Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 г. N 5-П, в котором Суд признал неконституционными положения УПК РСФСР, исключавшие для заинтересованных лиц возможность судебного обжалования действий и решений органов предварительного расследования – если такие действия порождают последствия, выходящие за рамки собственно уголовно-процессуальных отношений, существенно ограничивая конституционные права и свободы личности, и могут причинить ущерб, возмещение которого в дальнейшем окажется несущественным². Ранее Конституционный Суд РФ признал право на обжалование постановления об отказе в возбуждении уголовного дела за любыми лицами, интересы которых затрагиваются, включая лиц, не являющихся заявителями³.

1 О применении судами норм главы 16 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих обжалование: обзоры кассационной практики Федеральной палаты адвокатов (2022, 2024).

2 По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В.К. Борисова, Б.А. Кехмана, В.И. Монастырцкова, Д.И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком»: постановление Конституционного Суда РФ от 23.03.1999 N 5-П.

3 По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 113 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Костомукшского городского суда Республики Карелия: постановление Конституционного Суда РФ от 29.04.1998 N 13-П.

Особую линию Конституционный Суд РФ развил в сфере защиты имущественных прав, признав неконституционными нормы, не предусматривавшие эффективных средств защиты права собственности лиц, не являющихся подозреваемыми или обвиняемыми, на имущество которых наложен арест при приостановлении расследования¹. Постановление Конституционного Суда РФ 2014 г. потребовало обеспечить эффективный судебный контроль над сохранением режима ареста имущества, чтобы лица, не являющиеся участниками дела, не подвергались чрезмерному обременению вследствие неоправданно длительного применения данной меры². Результатом стало принятие Федерального закона от 29 июня 2015 г. N 190-ФЗ, введшего статью 115.1 УПК РФ о порядке продления ареста с участием заинтересованных лиц. Постановление Конституционного Суда РФ 2025 г. N 46-П продолжило указанную линию, вновь признав частично неконституционными нормы об аресте имущества третьих лиц³.

Так, определение Конституционного Суда РФ по жалобе А.А. Корягина закрепило, что заинтересованные лица вправе обжаловать действия и решения, когда последствия выходят за рамки процессуальных отношений и приводят к нарушениям конституционных прав, которые уже не могут

быть эффективно восстановлены в ходе последующего судебного контроля⁴. Определение Конституционного Суда РФ по жалобе Н.М. Луценко подтвердило право лица, чьи права затрагиваются постановлением об отказе в возбуждении дела, на ознакомление с материалами проверки⁵.

А.А. Зимасова обоснованно констатирует, что, несмотря на указанные позиции высших судебных инстанций, отсутствие четких критериев для определения приемлемости жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ фактически передает разрешение вопроса на усмотрение суд, а противоречивая практика и неоднозначные позиции еще больше усложняют процедуру судебного контроля [4, с. 196, 205]. Конституционный Суд РФ констатировал, что судебная практика по данному вопросу складывается противоречиво, в силу чего неопределенность ч. 1 ст. 125 УПК РФ стала предметом рассмотрения в порядке конституционного судопроизводства [цит. по: 4, с. 198]. Отдельного внимания заслуживает расхождение подходов; Пленум Верховного Суда РФ устанавливает общий запрет на обжалование отдельных категорий решений, тогда как Конституционный Суд РФ допускает исключения [4, с. 199-200].

Центральная практическая проблема для лиц с неопределенным процессуальным статусом состоит в невозможности обжаловать

1 По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Недвижимость-М», общества с ограниченной ответственностью «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л.И. Костаревой : постановление Конституционного Суда РФ от 31.01.2011 N 1-П.

2 По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В. А. Шевченко и М. П. Эйдлена : постановление Конституционного Суда РФ от 21.10.2014 N 25-П.

3 По делу о проверке конституционности абзаца пятого статьи 2, абзацев седьмого, девятого и десятого пункта 1 статьи 126, абзацев третьего и пятого пункта 2 статьи 213.11, абзаца четвертого пункта 5 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», пункта 7 части 1 статьи 47, части 4 статьи 69.1, частей 1 и 15 статьи 103 Федерального закона «Об исполнительном производстве», части третьей статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации, частей первой, третьей, седьмой и девятой статьи 115 и статьи 115.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, частей первой и второй статьи 31, частей второй и третьей статьи 32 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации : постановление Конституционного Суда РФ от 17.12.2025 N 46-П.

4 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Корягина Александра Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 24.05.2005 N 256-О.

5 По жалобе гражданина Луценко Николая Максимовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 113 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР : определение Конституционного Суда РФ от 06.07.2000 N 191-О.

решение, о существовании которого лицо не знает. Так, ч. 4 ст. 146 УПК РФ обязывает уведомлять о возбуждении дела только заявителя и лицо, в отношении которого дело возбуждено. Часть 4 ст. 148 УПК РФ обязывает направлять копию постановления об отказе в возбуждении дела только заявителю и прокурору. Если заявителя и лица, в отношении которого возбуждено дело, нет, то на орган предварительного расследования не возлагается соответствующей обязанности уведомления.

Типичные ситуации информационного дефицита многообразны; по факту совершения преступления, когда фактические подозреваемые не получают уведомления; наложение ареста на имущество третьего лица, о котором собственник узнает лишь при попытке распоряжения; прекращение дела по нереабилитирующим основаниям без уведомления лица, в отношении которого велось преследование; отказ в возбуждении дела, о котором пострадавший, не являющийся заявителем, не информируется; включение в полном объеме результатов проверки в уголовное дело без уведомления лица, в отношении которого проверка проводилась.

Как обоснованно указывает И.В. Смолькова, на практике лицо, попавшее под подозрение, становится объектом процессуальных действий без разъяснения ему права на защиту [9, с. 76]. Даже когда дело возбуждено в отношении конкретного лица, оно может длительное время об этом не знать, что нарушает право защищаться, поскольку осуществление права на защитника связывается с моментом вручения копии постановления [9, с. 75]. Вместе с тем И.В. Смолькова подчеркивает, что подозрение является материальным основанием признания лица подозреваемым [9, с. 74], но юридический запуск статуса и гарантий связывает с формальным актом – возбуждением дела в отношении конкретного лица, с которого начинается уголовное преследование и закрепляет статус подозреваемого [9, с. 73]. Критика практики и акцент на уведомлении, содержащиеся в работе И.В. Смольковой, логически подводят к необходимости введения процессуального уведомления о начале преследования как способа преодоле-

ния информационного дефицита в условиях неопределенности правового положения.

Данная ситуация усугубляется для лиц, во все не наделенных процессуальным статусом; если даже подозреваемый может не знать о своем процессуальном положении, то для лиц с неопределенным процессуальным статусом отсутствие надлежащего уведомления и доступа к информации является правилом, а не исключением. Системное противоречие состоит в следующем: ст. 123 УПК РФ декларирует право иных лиц на обжалование, но механизм информирования этих лиц о принятых решениях в законе отсутствует. Право носит декларативный характер, без процессуальных гарантий его реализации.

Важной особенностью ст. 125 УПК РФ является отсутствие пресекающего срока обжалования. В научной литературе констатируется, что уголовно-процессуальный закон не установил каких-либо сроков для подачи заинтересованными лицами жалоб на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя [3, с. 286]. Однако на практике суды могут отказывать в рассмотрении жалоб, ссылаясь на утрату актуальности предмета обжалования, что создает дополнительную неопределенность. Как указывает И.Р. Дочия, возможность обжаловать появляется в момент получения уведомления, и именно с ней следует связывать начало исчисления срока на обжалование [3, с. 289]. Данное предложение развивает позицию Н.Н. Ковтуна и Р.В. Ярцева о необходимости дифференциации сроков обжалования в зависимости от предмета жалобы [3, с. 286].

Возникает системное противоречие: ст. 123 УПК РФ декларирует право иных лиц на обжалование, но механизм информирования этих лиц о принятых решениях в законе отсутствует. Право закреплено, однако механизм реализации не обеспечен, отсутствуют процессуальные гарантии его реализации, что приводит к ситуации, при которой институт реализуется преимущественно лицами, имеющими доступ к информации и юридической помощи.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ устанавливает, что жалоба может быть подана в суд на основании ст. 125 УПК

РФ и одновременно прокурору на основании ст. 124 УПК РФ¹. Предварительное обращение к прокурору не является обязательным условием подачи жалобы в суд, что закрепляет принципиальную позицию, исключающую ступенчатую модель обжалования.

Прокурорский надзор обладает рядом сравнительных преимуществ: более оперативное рассмотрение – в среднем три дня, в исключительных случаях до десяти дней, против четырнадцати суток в суде, полномочия по отмене решений следователя (дознателя), что обеспечивает более высокую удовлетворимость обращений [10, с. 4]. Вместе с тем прокурорский надзор выявляет несколько проблем: прокурор обладает полномочиями по отмене решений дознателя, что обеспечивает оперативность, но не обладает аналогичными полномочиями в отношении следователя, что ограничивает эффективность механизма [10]. Судебный контроль обладает преимуществами состязательности и независимости, суд, в отличие от прокурора, не связан ведомственными интересами и не несет ответственности за раскрытие преступлений [5].

Для лиц с неопределенным статусом выбор между данными механизмами осложнен тем, что обращение в суд требует обоснования затрагивания интересов, что для лица без процессуального статуса может быть сложнее доказать. Прокурорский надзор, менее формализованный, оказывается более доступным, но менее гарантирующим. Сравнительная статистика обращений к прокурору и в суд подтверждает указанную закономерность. По данным М.И. Щеглова, в 2023 г. в органы прокуратуры поступили 250180 жалоб по вопросам досудебного производства, в суды – 102 950 (соотношение примерно 2,4:1) [10, с. 4]. Прокурорский механизм остается в 2-2,5 раза более востребованным, что объяснимо его большей доступностью и меньшей формализованностью, но ставит вопрос об эффективности судебного контроля как самостоятельной гарантии.

По мнению М.И. Щеглова, целесообразно ввести последовательную систему: про-

верка руководителем следственного органа, затем прокурором и лишь после этого – судебный контроль [10, с. 11–12, 21]. Вместе с тем указанная модель, обоснованная целью разгрузки судов и упорядочения процедуры, не учитывает специфику иных лиц, упомянутых в законе, обязательный предварительный этап создает дополнительный барьер для лиц с неопределенным процессуальным статусом, которые и так лишены полноценного доступа к информации о ходе расследования. Конструкция гарантий в указанной модели ориентирована на классических участников, тогда как для лиц с неопределенным процессуальным статусом каждый дополнительный этап увеличивает риск утраты актуальности предмета обжалования.

Научная литература фиксирует несколько ключевых проблемных блоков, непосредственно связанных с темой исследования. Н.Н. Ковтуном развивается концепция судебного контроля по ст. 125 УПК РФ как правосстановительного, диспозитивного механизма [5]. Диспозитивность данного механизма означает его зависимость от инициативы заявителя, что для лица без процессуального статуса, не осведомленного о нарушении своих прав, лишает институт практической действенности. В мониторинге практики 2017 г. выявлена типичная ошибка — неправильное определение правового статуса субъекта обжалования как одна из наиболее распространенных [11].

На основе проведенного анализа доктринальных позиций, правоприменительной практики и выявленных системных проблем представляется обоснованным сформулировать следующие выводы.

Во-первых, необходимо законодательное закрепление обязанности уведомления всех лиц, чьи права затрагиваются процессуальными решениями, с расширением ст. 145 и 146 УПК РФ. Существующий порядок уведомления охватывает лишь заявителя и лицо, в отношении которого возбуждено дело, оставляя значительный круг лиц с неопределенным процессуальным статусом в информационной изоляции.

1 О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02. 2009 N 1 (ред. от 09.12.2025).

Во-вторых, представляется необходимым введение акта процессуального уведомления о начале уголовного преследования с момента осуществления фактических действий по изобличению лица. Как убедительно показывает И.В. Смолькова, практика изобличения без статуса – когда в отношении лица проводятся процессуальные действия без разъяснения права на защиту – порождает процессуальную пустоту [9, с. 73, 76]. Введение указанного акта позволит преодолеть несоответствие между фактическим и юридическим началом преследования. Ю.В. Деришевым и Е.И. Земляничиным предложено распространить статус подозреваемого на стадию возбуждения уголовного дела, определяя момент начала подозрения как осуществление фактических действий, направленных на изобличение лица [2, с. 100].

В-третьих, необходима законодательная регламентация формы и содержания жалобы по ст. 125 УПК РФ, исключающая произвольные отказы в принятии. Как подчеркивает С.С. Лукьянов на практике суды принимают процессуальные решения об отказе в принятии, прекращении производства, возвращении жалобы, однако эти виды решений не закреплены в УПК РФ [7, с. 170]. Критерии допуска к обжалованию формируются на основе разъяснений и практики, что порождает различные подходы в правоприменении. При этом, как отмечает С.С. Лукьянов, суд по ст. 125 УПК РФ не должен ограничиваться формальной проверкой, а обязан проверять и фактическую обоснованность обжалуемого решения [7, с. 31]. Закрепление оснований отказа в принятии жалобы в виде исчерпывающего перечня создаст условия для единообразного правоприменения.

В-четвертых, следует установить дифференцированные сроки обжалования с обязательной привязкой начала течения срока к моменту фактического уведомления лица. Так, И.Р. Дочия предлагает вариант нормы, согласно которой жалоба может быть подана в течение пяти дней с момента получения уведомления и получения копий процессуальных документов [3, с. 289]. Для мер принуждения, затрагивающих свободу и имущество, срок должен быть сокращенным, для

иных решений – общим, но не превышающим разумных пределов.

Проведенный анализ позволяет выявить пять взаимосвязанных системных проблем, обуславливающих дефицит правовой защищенности лиц с неопределенным процессуальным статусом при реализации права на судебный контроль в порядке ст. 125 УПК РФ.

Первая проблема носит нормативно-интерпретационный характер и состоит в оценочности критерия затрагивания интересов, выступающего условием допуска к обжалованию. Отсутствие законодательно закрепленных параметров данного критерия провоцирует ограничительное толкование судами первой и апелляционной инстанций, что подтверждается устойчивой кассационной практикой отмены таких решений. Вторая проблема обусловлена информационным дефицитом; действующий уголовно-процессуальный закон не возлагает на органы предварительного расследования обязанности уведомлять лиц с неопределенным процессуальным статусом о принятых процессуальных решениях, что делает право на обжалование фактически нереализуемым. Третья проблема связана с нормативной неурегулированностью процессуального положения лица на стадии доследственной проверки; так, лицо, фактически подвергаемое уголовному преследованию, лишено базовых процессуальных гарантий, включая право на уведомление и право на защиту. Четвертая проблема выражается в низкой результативности судебного контроля: при доле удовлетворенных жалоб около 5% и прекращении производства по 70-77% обращений институт приобретает признаки формального, а не реально действующего правозащитного механизма. Пятая проблема заключается в отсутствии нормативных ориентиров, определяющих выбор между прокурорским надзором и судебным контролем как альтернативными средствами правовой защиты на досудебных стадиях.

Выявленный разрыв между нормативно-интерпретационными позициями высших судебных инстанций и правоприменительной практикой нижестоящих судов свидетельствует о том, что проблема доступности судебного контроля для лиц с неопределенным

процессуальным статусом не может быть преодолена исключительно средствами судебного толкования и требует закрепления механизма уведомления, регламентацию кри-

териев допуска к обжалованию и установление дифференцированных сроков, привязанных к моменту фактического уведомления лица.

Библиографический список

1. Григорьев, В.Н. Ходатайства и жалобы как «градообразующий» элемент сущности уголовного процесса / В.Н. Григорьев, О.А. Зайцев, О.А. Максимов // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – N 1(71). – С. 10-16.
2. Деришев, Ю.В. Процессуальное положение лица, в отношении которого проводится предварительная проверка сообщения о преступлении / Ю.В. Деришев, Е.И. Земляничин // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2014. – N 3 (29). – С. 95-100.
3. Дочия, И.Р. Сроки обжалования постановлений о прекращении уголовного дела и уголовного преследования в порядке ст. 125 УПК РФ / И.Р. Дочия // Пробелы в российском законодательстве. – 2008. – N 2. – С. 286-288.
4. Зимасова, А.А. Рассмотрение жалоб на действия (бездействие) и решения должностных лиц в порядке статьи 125 УПК РФ / А.А. Зимасова // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – N 4. – С. 196-208.
5. Ковтун, Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России : дис. ... докт. юрид. наук / Н. Н. Ковтун. – Нижний Новгород, 2002. – 474 с.
6. Латыпов, В.С. Содействие отправлению правосудия в уголовном процессе России: концептуальные и нормативно-правовые основы : дис. ... докт. юрид. наук: 5.1.4 / В.С. Латыпов. – Уфа, 2023. – 507 с.
7. Лукьянов, С.С. Компетенция суда при осуществлении судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук / С.С. Лукьянов. – СПб., 2025. – 396 с.
8. Максимов, О.А. Ходатайства и жалобы как форма выражения назначения уголовного судопроизводства : дис. ... докт. юрид. наук / О.А. Максимов. – Ульяновск, 2022. – 595 с.
9. Смолькова, И.В. Возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица как основание его признания подозреваемым / И.В. Смолькова // Lex russica. – 2021. – Т. 74. – N 4. – С. 71-78.
10. Щеглов, М.И. Соотношение прокурорского надзора и судебного контроля на предварительном следствии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М.И. Щеглов. – М., 2024. – 22 с.
11. Ярцев, Р.В. Жалобы в порядке статьи 125 УПК РФ: ошибки судов и злоупотребление правом / Р.В. Ярцев, О.А. Безруков // Уголовный процесс. – 2017. – N 6. – С. 66-74.